

*Е. Н. РЕПИН,
Н. А. РЕПИНА*

Миф о социуме

Издержки процесса реформирования отечественной экономики привели к тому, что маятник предпочтений не только населения, но и исследователей явно сместился к сфере социальной защиты. Все реже на страницах журналов отстаивают свои взгляды сторонники либерализма. Однако отечественный либерализм продолжает развиваться. Теперь это уже не некое единое течение. Подобно своим зарубежным единомышленниками российские либералы стали с разной степенью жесткости относиться ко всем ограничениям рыночных свобод, прежде всего к государственно-му вмешательству в хозяйственную жизнь. Публикуемое ниже эссе демонстрирует, пожалуй, наиболее крайнюю даже в рамках либерализма позицию. Похоже, его авторам кажутся недостаточными пожелания Милтона Фридмана об ограничении государственного управления сферой охраны законности и порядка, включая судебный надзор за исполнением частных контрактов, или озабоченность отечественного либерала Виталия Найшуля тем, что как раз слабость государства мешает подлинно либерализационным процессам. Но плюрализм взглядов в рамках единого течения как раз и свидетельствует о его развитии. И, думается, полезно знакомство с самыми разными, в том числе и крайними, позициями.

...Невразумительное понятие «общество».

Ф. А. фон Хайек

Экономисты — большие фантазеры. Они описывают миры, в которых действуют такие исполины, как Народ, Общество, Экономика... Есть у них персонажи и помельче: Регион, Отрасль, Субъект Федерации, Город... Все эти человеческие объединения наделяются потребностями, интересами, желаниями. Они принимают решения и договариваются. Они торгуют и конфликтуют между собой. Они могут процветать и бедствовать. Они могут даже болеть. «Инфляция», «безработица», «спад производства», «бюджетный дефицит», «правовой вакуум», «неплатежи» — вот названия некоторых недугов коллективных существ.

Поэтические вольности, метафоры широко используются в описании этих миров. Они позволяют более емко и красочно выражать мысли. Но при этом следует помнить о нелепости и опасности понимать метафоры буквально. Подмоченную репутацию не сушат у горячей печки. Ликвидное имущество не разливают по бочкам. От падающего производства не прыгают в сторону. В валютном коридоре не назначают встречи... Между тем народным хозяйством, забывая о переносном смысле, управляют как реальным хозяйством, где есть Хозяин и Работники, которых нужно организовать для достижения Цели.

Репин Евгений Николаевич — кандидат экономических наук, консультант по проблемам налогов (Новокузнецк).

Репина Надежда Анатольевна — преподаватель Новокузнецкого института повышения квалификации учителей.

И общественный организм лечат, как биологический организм, где людям отводится роль клеток, которые должны работать на благо Общества.

Одушевление коллективов и рассмотрение проблем с их точки зрения, т. е. с точки зрения Системы, Целого, а не отдельного человека, — одно из любимейших занятий экономистов. Называя свою науку социальной, экономисты понимают социальность в том смысле, что это наука о Социуме, Обществе, а не об общении людей.

Хотим утешить экономистов: они не одиноки в придумывании одушевленных химер типа Общество, Человечество. Многие биологи объясняют поведение животных с позиции благополучия или интересов Вида. Р. Докинз, удивляясь таким объяснениям, спрашивает: а с какой стати останавливаться на интересах Вида, а не Рода, Семейства, Отряда, Класа или Типа? Действительно, почему бы не порассуждать об интересах, например, Класа млекопитающих или Типа позвоночных? На благо всего Позвончатства... Звучит?

Но когда метафоры употребляются в прямом смысле, рождаются мифы.

РЫНОК ДЛЯ СОЦИУМА

Бывают великие слова, столь пустые, что в них можно заключить целые народы.

С. Е. Лец

Рынок — ключевое слово, сопровождающее нынешние перемены в стране. Однако этому слову соответствуют два существенно различающихся образа.

Первый образ (его часто называют «цивилизованным рынком») рисуется в виде агрегата или механизма, у которого есть пульта и рычаги управления. В нем много неведомых бывшим советским людям узлов типа бирж, корпораций, товариществ, домов селенга... Эти узлы почему-то стали называть юридическими лицами. Между юридическими лицами и гражданами, которых почему-то иногда называют «физическими лицами без образования юридического лица», циркулируют загадочные потоки валют, векселей, акций, полисов... Цивилизованный рыночный механизм не может действовать в условиях правового вакуума, а также без лизинга и факторинга. Вот такой он сложный, зато высокоэффективный. Он способен обеспечить население товарами и услугами, но для того, чтобы он заработал, необходимо время. Ведь его, во-первых, нужно еще создать. Для этого интересно посмотреть, как он работает в других странах, выбрать наилучший проект, адаптировать его к российской специфике и только после всего этого монтировать. Во-вторых, смонтированный рыночный механизм требуется «социально ориентировать». Это значит, что результаты работы рынка должны быть справедливо распределены между всеми гражданами и при этом не забыты инвестиции. В-третьих, нужно подготовить население к жизни в условиях функционирования рыночного механизма, чтобы у людей не было шока. Только при постепенном и контролируемом государством запуске рыночного механизма будет польза. В противном случае жди беды: представьте себе дикарей, которым доверили трактор...

Второй образ рынка (его часто называют «базаром или базарной вольницей») рисуется в виде множества обменивающихся между собой людей. Они меняются услугами, вещами, обязательствами (включая кредитные деньги), прочим имуществом. Обмен — дело добровольное, поэтому происходит он лишь в том случае, когда каждая сторона оценивает приобретаемое выше, чем отдаваемое, и ожидает получить от обмена выгоду, прибыль. Обычно участник сделок ее получает, т. е., как правило, в результате обмена становится богаче.

Почти вся экономическая литература создает первый образ рынка. И хотя экономисты как-то связывают рынок с обменом, для подавляющего большинства рынок — не просто обмена между людьми. Вслед за Ф. Кенэ и К. Марксом они рассматривают его как механизм обмена ресурсами между частями, членами организма по имени Общество, Общественное Производство или Экономическая Система. Причем механизм этот — слепой, неосознаваемый Обществом (зрение и сознание людей-клеток во внимание не принимаются). Отсюда делается вывод о фиаско (провалах) рынка, т. е. о его недостаточности для успешного функционирования Общества, о необходимости дополнить его сознательным регулированием со стороны Общества. Роль сознания отводится Правительству (Государству).

Итак, для подавляющего большинства экономистов рынок либо целостный агрегат, либо мета-

болизм в социальном организме. И то и другое требует проектирования, конструирования, наладки, регулирования, профилактики или лечения. Причем на самоналадку или саморегулирование до конца полагаться нельзя. Необходимо найти грань между саморегулированием и сознательным вмешательством Социума в свой организм.

Только из такого представления может родиться расхожая фраза о социальной ориентации рынка. Результаты работы агрегата должны достаться Обществу, а не отдельным его членам. Метаболизм должен осуществляться в интересах Социума, а не отдельных его клеток.

Если бы экономисты изгнали коллективные персонажи из своих представлений, если бы рынок воспринимался ими как обмен между людьми, которые действуют в своих собственных интересах, а не в интересах Общества, то они отнеслись бы к выражению «социально ориентированный рынок» как к бредовому. Точно так же они отнеслись бы к предложению регулировать рыночные отношения. Двое захотели поменяться, им это выгодно. Зачем регулировать их сделку? В интересах общества? Так ведь нет Общества. Тогда в чьих интересах? И поконкретнее, пожалуйста...

Сказка о народном хозяйстве, или Не приобщиться бы к мировой глупости

Слепец бежит во мраке,
и дух его парит,
неся незрячим факел,
который не горит.

И. Губерман

С крушением коммунизма россияне жадно потянулись к тем сторонам западной культуры, доступ к которым ранее тщательно дозировали идеологические коммунистические начальники. Среди прочих знаний нормированию подлежала западная экономическая наука. Отсюда понятны интерес к ней россиян, их желание покупать, переводить и писать тексты в стиле западной «экономикс».

Между тем американец К. Хесс в своей известной книге по экономике для юношества пишет: «Проблема, с которой вы столкнетесь, состоит в расхождении между экономической реальностью и тем, как она преподносится во многих государственных учебных заведениях» [1]. Речь идет, естественно, об американских учебных заведениях. А лауреат Нобелевской премии профессор из Чикаго Р. Коуз, иронизируя над современным стилем преподавания экономической науки, называет его «экономической теорией классной доски» [2]. В этой «теории» предполагается, что экономист, в принципе, может знать все желания потребителей и возможности производителей. На фоне предполагаемого всеведения реальные решения о покупке или продаже, принимаемые реальными, малознающими и эгоистичными людьми, представляются нерациональными. Возникает искушение поправить несовершенства обмена регламентированием его пропорций (цен), объемов, участников. Роль корректора отводится правительству, которому служит вооруженный теорией экономист.

Но такое представление иллюзорно. Более того, здесь можно разглядеть целый «букет» иллюзий.

Первая: возможность правительства владеть всей информацией о ресурсах и вкусах людей.

Вторая: способность правительства за других решать, чем и как им меняться хорошо и позволительно, а чем и как — плохо и нельзя.

Третья: горячее желание правительственных людей утомлять себя проблемами и нуждами далеких, незнакомых им людей.

Эти ложные основания порождают ложную ситуацию — государственные люди демонстрируют готовность взяться за задачи, которые они решать, по сути, не могут и не желают. Наиболее наивные, правда, берутся за это дело, но получается только хуже: ведь задачи в принципе не решаемы. Все несовершенства людей, участвующих в обмене, затмеваются несовершенством людей, регулирующих обмен.

«Экономическая теория классной доски» — хроническая болезнь экономической науки, которая постоянно путается в предмете своего исследования. В рамках экономики существуют две очень разные науки. Называть обе эти науки «экономикой» неразумно, как неразумно держать уксус и водку в одинаковых бутылках с одинаковой наклейкой «водка». Можно и отравиться.

Одна наука изучает способы эффективного хозяйствования: как раскрыть материал, как загрузить

Две науки под одним названием «экономика»

Методологические основания	Собственно экономика	Безымянная наука
Объект изучения	Хозяйствование	Взаимодействие между хозяевами
Центральная проблема	Эффективное(хозяйское) использование дефицитных ресурсов	Границы собственности на дефицитные отчуждаемые возможности
Основные вопросы	<i>Что</i> делать или производить? <i>Кто</i> это будет делать/производить? <i>Как</i> делать/производить? <i>Для кого</i> предназначен результат деятельности?	Чье? Другими словами — <i>кому</i> решать вопросы: <i>что?кто? как?для кого?</i>
Место среди других наук(дисциплин)	На стыке всех наук: гуманитарные (менеджмент, маркетинг), естественные (технология), математика(расчеты)	Часть обществоведения

оборудование, как рекламировать свою продукцию, как написать приказ, как подобрать работников... За ней и следовало бы оставить название «экономика».

Другая наука изучает способы взаимодействия между хозяйствами, между собственниками: как люди отделяют свое от чужого, как обмениваются имуществом и защищают его, как в результате возникают деньги, банки, биржи, государство и что происходит, когда государство вместо того, чтобы гасить насилие человека над человеком, само становится его источником. Эта наука пока еще безымянная.

Специалист в одной науке отличается от специалиста в другой приблизительно так же, как, скажем, слесарь-сантехник от гинеколога. Обе профессии очень важны и нужны, но может произойти опасная путаница типа «сантехнической гинекологии», если специальные навыки и инструменты использовать не по назначению. С двумя науками, названными по недоразумению одним и тем же словом «экономика», такая путаница, увы, произошла. В результате подходы, пригодные для управления хозяйством, предлагается применять для управления страной. Если страна — единое хозяйство во главе с хозяином (Сталиным, Гитлером, Брежневым), такой подход вполне логичен. Но если в стране существуют хотя бы два хозяйства, каждое со своим хозяином во главе, то он абсолютно неуместен.

Часто суммарную деятельность всех людей в стране называют «народным хозяйством». Называть народ хозяином, а хозяйство народным — значит использовать высокий стиль, допускать поэтическую вольность. Все это безобидно, например, на обложке статистического справочника. Но управлять народным хозяйством как реальным столь же нелепо, как искать перья у человека, которого за смелость сравнили с орлом. Однако политики, выучившись экономике, очень даже пытаются управлять.

Российские политики очарованы новыми словами из западных учебников. Однако управление страной по экономическим рецептам — всегда государственное вмешательство в добровольные взаимодействия между людьми. В том числе во взаимодействия между взрослыми психически здоровыми людьми, наделенными, между прочим, избирательными правами. Экономические рецепты предписывают государственное регулирование обмена, т. е., по сути, ограничение свободы обмена, хотя обмен, как и любовь, касается лишь двоих. Все остальные, пока их не пригласят, здесь лишние.

Ограничение свободы обмена особенно странно при неограниченной для взрослых людей свободе избирать и быть избранными на высшие государственные посты. Им не нужно получать для этого лицензию, не нужно платить за это пошлину. Их не проверяют на предмет знания и соблюдения санитарно-эпидемиологических норм и правил пожарной безопасности. А ведь выборы на государственные посты в отличие от обмена — мероприятие публичное, касаемое всех. Можно ли подпускать к столь важному государственному делу людей без справки, скажем, о прослушанном и сданном курсе политологии?

Либеральное избирательное право никак не вяжется со строгостями по отношению к обмену: ошибка избирателей скажется на всех, в том числе на тех, кто такой ошибки не совершал. Ошибки же обмена можно избежать, в нем не участвуя. Логично ли защищать людей от последствий собственных ошибок, когда они не защищены от последствий ошибок чужих?

Надо перестать всерьез относиться к западным экономическим глупостям. Тем более, что самые прозорливые западные мыслители предупреждают об этом россиян. Основатель и президент Института Катона Э. Крейн советует: «Было бы хорошо, если бы вы устроили свою политическую жизнь по образцу Америки XIX века, а не XX. Это было время, когда наше правительство защищало неотъемлемые права человека на жизнь, свободу и собственность, вместо того, чтобы пытаться, как теперь, управлять нашей жизнью и перераспределять наши доходы» [3].

Рецепты оздоровления социума

Когда нас учит жизни кто-то,
я весь немею;
житейский опыт идиота
я сам имею.

И. Губерман

Изучение экономики стало модным. Однако это не радует, потому что экономисты слишком часто и всегда из лучших побуждений дают рецепты, которые в конечном итоге приводят к насилию человека над человеком.

К грандиознейшему насилию привели марксистские рецепты по усовершенствованию мира, хотя сам Маркс страстно выступал против эксплуатации. Эксплуатацией он почему-то называл отношения между нанимателем и наемным работником. С помощью нескольких софизмов относительно природы цены ему удалось доказать недоказуемое: грабительский характер добровольных, обменных(рыночных) отношений между людьми.

«Этот путаник Маркс», — скажете вы. Сейчас все иначе. Есть западная «экономике», в которой вам докажут, что Маркс ошибался из-за того, что не был знаком с теорией предельной полезности и «крестом Маршалла». Однако наука «экономике» так же, как и марксистская политэкономия, поражена неотличением насилия от добровольности и поэтому во множестве генерирует рецепты насильственного исправления добровольных взаимодействий между взрослыми психически здоровыми людьми. Конечно, эти рецепты не столь радикальны, но все равно малопривлекательно, когда их применяют к вам.

Обычно экономисты, оправдывая насильственные действия, говорят о стимулировании роста производства, о справедливом перераспределении доходов, о снижении безработицы, о поддержке отечественных товаропроизводителей, о социальной защите населения и еще о многом другом в зависимости от ситуации. Говорят настолько убедительно, что миллиарды людей перестают видеть насилие в том, что их обязывают делать покупки. Например, покупки страховок на случай старости, болезни, потери работы.

Иногда людям удается выйти из оцепенения, вызванного экономическим гипнозом. <<И чего это мы платим? Нам же это не нужно>>— говорят они, как сказали однажды американские фермеры из секты амишей, отказавшись от покупки пенсионной страховки. Исходя из своих религиозных принципов, они отказались от государственной пенсии и, соответственно, от взносов в государственный пенсионный фонд. И тогда у фермеров отобрали скот, продали его с аукциона, а вырученные деньги внесли в пенсионный фонд [4].

Не следует думать, что экономисты — это злодеи, намеренно вводящие людей в заблуждение. Они сами жертвы собственной науки, в которой метафорическое сравнение общества с одушевленным организмом трактуется буквально.

Почти во всех современных учебниках по экономике их авторы вслед за П. Самуэльсоном рисуют кривую производственных возможностей для Общества. На этой кривой Общество выбирает оптимальную точку или, другими словами, самую эффективную для него структуру производства. Может, когда-то экономисты и понимали, что выражение «общество выбирает» метафорично. Сейчас же есть все основания считать, что они об этом забыли.

Основными вопросами экономической науки (об этом написано почти во всех учебниках по эко-

номике) считаются вопросы: *что? кто? как? для кого?* То есть что делать или производить, кто это будет делать, как и для кого? Это чисто домоводческие проблемы, что соответствует буквальному переводу слова «экономика» с греческого языка. И если бы экономистов интересовали лишь проблемы эффективного ведения человеческого дома, хозяйства, все было бы замечательно. Так нет же. Они посчитали это для себя слишком мелким и занялись Домом, Хозяйством мифического существа по имени Общество. (Кстати, желанием наводить порядок в доме гиганта по имени Общество грешат и экологи.)

Представление об обществе не как об общающихся людей, а как о целеустремленном организме делает маловажным вопрос о собственности. Какая разница, кому принадлежит та или иная дефицитная возможность, если все в конце концов принадлежит Обществу?

Проблема насилия у экономистов сводится к проблеме гигиены Общественного Организма. Конечно же, Общество должно заботиться о своих членах. Но в некоторых случаях в интересах Целого оно должно освобождаться от балласта или болезнетворных органов, как человек освобождается от мозолей и опухолей. «Отсечение загнившего члена», — так Т. Кампанелла называл смертную казнь в своем «Городе Солнца». Четыре столетия прошло. Но до сих пор жива мысль о том, что интересы людей-клеток должны быть подчинены интересам Общества-организма.

На новогодних праздниках дети по призыву Деда Мороза или Снегурочки хором говорят «волшебные» слова: «Раз, два, три — елочка гори!». Но даже дети знают, отчего на елке зажигаются огни и что их заклинание не более, чем игра. Как к игре следует относиться и к управлению народным хозяйством, ж оздоровлению общества. Ведь Народ, Общество, о чьем хозяйстве и здоровье идет речь, это такой же сказочный персонаж, как Дед Мороз, Снегурочка, Горе-Злосчастье...

Экономисты слишком серьезно относятся к оздоровлению Общества и управлению его хозяйством. Без тени шутки. Это нелепо, жутко и уже (после всего, что было) скучно. Гораздо веселее и безопаснее жечь чучела Безработицы, Спада Производства, Неплатежей и прочих болезней, которыми страдает Социум. На карнавале мифические персонажи вполне уместны. На карнавале даже уместно иметь серьезный и озабоченный вид. Но только для еще большего смеха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хесс К. Так устроен мир. Экономика для юношества. М., 1992. С. 94.
2. Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 1993. С. 29.
3. От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. М., 1993. С. 10.
4. Фридман и Хайек о свободе. Минск, 1990. С. 89.

Е. Репин, Н. Репина, 1996